

Глава вторая

Говоря о гиперполиглотах, нельзя не вспомнить о Джузеппе Меццофанти, поэтому я и решил начать исследования именно с него. Я отправился в итальянский город Болонью в надежде обнаружить какие-нибудь факты, за прошедшие 150 лет лингвистических и неврологических исследований оставшиеся незамеченными поклонниками и биографами кардинала. Наибольшее впечатление на меня произвело не количество языков, которое, по имеющимся свидетельствам, знал Меццофанти, а то, с какой скоростью он овладевал языками, и его способность быстро переключаться с одного на другой. Как ему это удавалось? Действительно ли он обладал таким умением? Владел ли он языками в степени, достаточной для практического использования? Ответы на эти вопросы должны были стать якорем для дальнейшего, более глубокого исследования природы лингвистических способностей.

Оставался открытым и вопрос о методах, которые применял кардинал. Когда в 1840 году русский ученый А. В. Старчевский встретился с Меццофанти в Риме, он сумел озадачить гения лингвистики, заговорив с ним по-украински.

Меццофанти казался удивленным.

— Что это за язык? — спросил он по-итальянски.

— Малороссийский, — ответил Старчевский, воспользовавшись термином того времени.

— Возвращайтесь ко мне через две недели, — предложил Меццофанти.

По прошествии указанного времени Старчевский вновь встретился с кардиналом и имел возможность убедиться, что тот довольно бегло говорит по-украински. Они беседовали несколько часов. Понятно, что русский ученый был поражен: каким образом Меццофанти сумел достичь такого успеха в изучении нового языка?

Простой ответ на этот вопрос — что русский и украинский языки очень похожи и оба принадлежат к восточнославянской подгруппе славянских языков. «Я уже знал русский», — объяснял сам Меццофанти.

Но такой ответ не удовлетворил Старчевского. «Зная латынь, можно легко выучить итальянский, — рассуждал он, — но не за две недели». После этой встречи русский ученый оказался одержим идеей, что Меццофанти обладает неким тайным знанием, возможно даже, языковым эликсиром. За последующие сорок лет он прочел все, что смог найти о кардинале-полиглоте, но так и не пришел к разгадке его тайны.

Однако затем произошло нечто неожиданное. «Я почти отчаялся найти решение этой загадки, — рассказал Старчевский, — как вдруг загадка Меццофанти все же открылась мне». Он заявил, что будет передавать открывшееся ему знание только своим ученикам. «Школа полиглотов» с высокого соизволения русского царя должна была появиться в Санкт-Петербурге. Во главе ее стоял бы сам Старчевский, который при помощи секретного метода Меццофанти собирался обучать своих студентов семидесяти языкам.

«Каждый мужчина средних способностей может выучить любой иностранный язык в течение месяца, — провозгласил Старчевский. — Тот, кто не может этого сделать, просто ленив или глуп». Однако планам создания необычной школы помешала русская революция. О каком именно методе говорил Старчевский, осталось тайной.

На женевском вокзале я успел за несколько минут до отправления сесть на ночной поезд, который должен был доставить меня в Италию. На перроне я предъявил проводнику билет, втащил по узкому коридору вагона чемодан в маленькое аккуратное купе и, устроившись, наконец распаковал бутерброд и бутылку пива. Затем я скинул ботинки

и достал «Моби Дика». После утомительного дня, проведенного в дороге, я мечтал о тихом вечернем отдыхе. К тому же мне требовались силы, чтобы уже на следующее утро начать работу в архивах библиотеки Болоньи.

Пару минут спустя в купе заглянул проводник, пожилой итальянец с густыми черными усами и снисходительным взглядом, и попросил мой билет. Упс. Он ткнул в билет своим пальцем и сказал что-то по-итальянски. Я внимательно посмотрел на указанную в билете дату и понял, что там стоит правильное число, но следующего месяца. «Что ж, надеюсь, проводник подскажет, как решить эту проблему», — подумал я. Но тут до меня дошло, что проводник не говорит по-английски. А я — по-итальянски. Я сказал, что говорю по-испански (по крайней мере, достаточно для данного случая). Он с готовностью перешел на испанский и быстро объяснил мне, что нужно сделать. Мне пришлось вновь упаковать свой бутерброд, пиво и книгу и освободить место для двух туристов, которым уже не терпелось оказаться в незаконно занятом мною купе.

Поезд тронулся, а я в сопровождении проводника отправился на поиски нового пристанища. В итоге мне пришлось временно разместиться в купе с попутчиком, который говорил только по-итальянски. Готовясь к поездке, я читал новую книгу о Меццофанти, написанную по-итальянски, — не столько «читал», сколько помещал итальянские слова в грамматические конструкции, известные мне из испанского. Если какое-то место в тексте оказывалось совершенно непонятным или я хотел проверить свою интуицию (если быть откровенным, это следовало бы назвать догадками), я ничтоже сумняшися пользовался переводчиком Google. Теперь у меня появилась возможность поговорить с носителем языка, но я не мог выдавить из себя ни слова. Мне было стыдно за свой испанизированный итальянский (особенно после того, как я оживил испанский в разговоре с проводником). Поэтому я просто убивал время, разглядывая пролетающие за окном пейзажи Швейцарии.

На ночь меня переселили в другое купе, где моими соседями оказались молодой человек из Южной Кореи, немного говоривший

по-английски, и живущий в Женеве перуанец, который владел английским, испанским, французским, немецким и португальским — хотя и не всеми одинаково хорошо, как он сам признался. Когда-то он знал еще и итальянский, но после того, как выучил португальский, оказалось, что итальянский утрачен им полностью. Его английский был далеко не безупречным — он говорил с сильным акцентом и использовал только простые предложения, — должен ли я признать, что он говорил по-английски? Некоторое время мы беседовали с ним по-английски об изучении философии, и при этом я не старался подбирать слова полегче. Выходит, он, несомненно, говорил по-английски.

Должен вам сказать, что поездка в европейском поезде как ничто другое способна убедить белого американского парня в том, что английский язык — его колыбель и его престол — одновременно являются и его тюрьмой. Я чувствовал себя не в своей тарелке, находясь рядом с человеком, владевшим пятью языками (четыре не являются для него родными). Я начал искать оправдания: мол, если бы американцы жили в Европе или путешествовали, пересекая столько границ, как европейцы, они тоже могли бы говорить на нескольких языках. Все дело в контексте и практической потребности в изучении иностранных языков. Американцам мешает преодолевать языковые барьеры сидящая в наших генах культура моноязычности.

Я поведал ему, что направляюсь в Болонью, поскольку интересуюсь жившим в девятнадцатом веке кардиналом Джузеппе Меццофанти, который говорил на огромном количестве языков — по некоторым свидетельствам, на семидесяти двух. Я был вынужден сделать такую оговорку, поскольку не хотел, чтобы он заподозрил меня в излишней доверчивости к чужим словам.

«Семьдесят два языка? — переспросил мой новый знакомый. — Не может быть!»

Я знал: звучит невероятно. И мне предстояло проверить справедливость этого утверждения. Даже если бы мне не удалось обнаружить никаких подтверждений или я сумел бы опровергнуть имеющиеся свидетельства, то, по крайней мере, почувствовал бы мрачное

удовлетворение от своей роли адвоката дьявола, развеяв ложные слухи и дискредитировав чудо.

Но если ключ к гениальности Меццофанти все же будет найден, мою поездку можно считать паломнической. Будучи ребенком, я тоже мечтал о том, чтобы выучить много языков. Умение читать и говорить на каком-либо языке, помимо английского, казалось подтверждением того, что застенчивый мечтатель способен преодолеть свою неуклюжесть и отправиться в далекие страны. Но моя мечта так и осталась бескрылой, как воздушный змей в безветренный день. Каждый раз в начале летних каникул мама заставляла меня составлять список достижений, которые я намеревался реализовать к сентябрю. В верхней части списка значился «французский язык» (моя семья родом из Франции). Он оставался там год за годом, но я так никогда его и не выучил. Даже не приступил. Без посторонней помощи я не знал, с чего мне начать. В старших классах я увлекся испанским, но тупость школьного преподавания свела на нет все мои устремления.

В колледже мой научный руководитель, заметив в школьном табеле отметку по испанскому, спросила, не хочу ли я продолжить изучение языка в Южной Америке. Мое сопротивление было недолгим. Уже довольно скоро я оказался в Боготе (Колумбия) и, сидя на кухне, пытался вести светскую беседу с Зораидой, хозяйкой приютившей меня семьи. Умение вести непринужденную беседу даже по-английски не является моей сильной стороной, поэтому я смог выдавить из себя лишь фразу «*Me gusta tu perro*»* о маленькой белой собачке, что в тот момент лизала мою руку.

«Ты уже говорил это», — ответила Зораида по-испански.

В нашей жизни многое зависит от везения. В конце концов, к собственному удивлению, я стал гораздо лучше говорить, читать и понимать по-испански. Путешествие помогло мне освоить язык. Неосознанно я стал понимать все, что говорилось на лекциях, которые я посещал в Боготе. Моя девушка, американка, выучила французский и испанский, что возвысило ее в моих глазах (юного мечтателя) и подтолкнуло

---

* Мне нравится ваша собака (*исп.*). Прим. перев.

меня к самостоятельному изучению языков. После окончания колледжа я жил на Тайване, где преподавал английский и изучал китайский и немного тайваньский (что помогало мне повысить свой авторитет среди учеников). Таким образом, я проверял справедливость народной мудрости, гласящей, что лучшие преподаватели языков получаются из любителей. Бывали дни, когда я говорил по-английски только в стенах класса. Я ловил себя на мысли: узнаю ли я сам себя, если так пойдет дальше? Это был период моего самого глубокого погружения в изучение языков. Я чувствовал себя вполне комфортно, общаясь на иностранном языке, и совершенствовал, хотя и с перерывами, свои знания. Но вернувшись в США, в родное языковое окружение, я быстро утратил свою способность свободно говорить на иностранных языках. Возможно, это произошло потому, что я не успел достичь достаточно высокого уровня владения ими, или потому, что не давал себе труда поддерживать приобретенные навыки. В глубине моего сознания засела мысль, что, если я не овладеваю иностранным языком, как родным, то никакие старания не имеют смысла. В результате я не стал ни супергероем лингвистики, ни гиперполиглотом. Я оцениваю свой языковой уровень как *моноязычность с плюсом*, то есть я знаю больше, чем моноглот, но гораздо меньше, чем полиглот. Иногда меня посещает желание восстановить былой уровень свободного владения испанским и китайским, но с точно таким же успехом я мог бы мечтать о том, что у меня вырастут крылья и я смогу взлететь. Мне нравилось говорить на этих языках, но в моей нынешней ситуации восстановление навыков требует недюжинных усилий. Я могу быть ленивым и непоследовательным. Моя сорокатрехлетняя память напоминает скорее решето, чем стальной капкан. И кроме того, я являюсь носителем эмоционального наследства, заложенного учителями и авторами учебников: они заставили меня воспринимать педагогические инструменты как нечто громоздкое и абсурдное. Одна из целей вступающего во взрослуую жизнь человека состоит в том, чтобы отказаться от всех неуместных и абсурдных вещей, которые прививают ему в детстве. Наша жизнь — и без того сизифов труд.

Так или иначе, в моей жизни был период, сопровождавшийся непередаваемыми ощущениями, когда я легко и гладко говорил на испанском и китайском. Когда мне, к вящей радости приютивших меня хозяев дома, удавалось составлять предложения на хинди. Когда я мог подслушать разговор обсуждающих цену пекинских торговцев и затем заявить им на китайском, что они пытаются всучить мне свой товар втридорога. Когда перед моими глазами — возможно, всего на секунду — мелькала путеводная нить, схватившись за которую, я разматывал, обретая все большую уверенность, весь клубок запутанного иноязычного синтаксиса. Мне нравились эти ощущения, и я хотел бы испытать их снова. И в этом мое сходство с теми гиперполиглотами, о которых я пишу.

Я не знаю, почему один этап обучения оказывается очень легким, а другой слишком трудным. Я знаю лишь, что не хочу говорить на семидесяти двух или даже на двенадцати языках. Я просто хочу, чтобы легких этапов было побольше, а трудных — как можно меньше.

На следующий день я прибывал в Болонью. Я хотел найти здесь истину, но готов был и к тому, что она от меня ускользнет.

Прежде чем отправиться в Италию, я связался с несколькими экспертами, чтобы узнать их мнение по поводу моего исследования. Одним из них была лингвист из Калифорнийского университета в Беркли Клэр Крамш, автор многих работ о полиглотах, поэтому я с нетерпением ожидал ее ответа. Она подтвердила, что люди, знающие много языков, действительно существуют. Затем сделала паузу и продолжила: «Я имею в виду не только европейцев. Например, в Африке дети растут, отчасти или полноценно используя восемь-девять различных языков, просто потому, что живут в регионах, где многие поселения имеют собственные языки. Языковой обмен происходит в результате межплеменного общения, смешанных браков и других контактов.

Однако я не могу сказать, что они владеют разными языками, — добавила она со своим очаровательным британским акцентом. — Да, они говорят на разных языках, но при этом вовсе не обязательно, что они

умеют на них читать и писать, тем более что эти языки часто вообще не имеют письменной формы. Кроме того, чужие языки используются ими в очень специфических условиях. Например, вы можете поболтать с представителем другого племени, встретившись с ним у водного источника, но это вовсе не означает, что вы сможете объясниться с рыночными торговцами. Таким образом, каждый язык ограничен конкретной предметной областью.

Я не знаю, как назвать этих людей, — призналась она. — Полагаю, вы назовете их мультиязычными, но они будут существенным образом отличаться от тех людей, которые владеют иностранными языками на уровне и устной, и письменной речи. Вы должны определиться с тем, что вы подразумеваете под владением языком».

У меня не было ответа на этот вопрос. Действительно — что? В романе Энн Патчет «Бельканто» мультиязычный переводчик по имени Джен просил позвать к нему врача на нескольких языках, на которых говорили похитившие его люди. Джен знал много иностранных слов, знал, как они произносятся, умел связывать эти слова в предложения. Эти три основные части — лексика, морфология и синтаксис — составляют то, что лингвисты называют «кодом» языка. Может быть, знание этого кода и означает владение языком. Но помимо этого Джен умел еще и правильно пользоваться известным ему кодом. Это называется «языковым pragmatizmom». Он постоянно занимался подбором нужных слов, чтобы не сказать что-то лишнее не тому человеку. О тонкостях языковой pragmatики вы можете судить и на основании собственного опыта. Допустим, вы находитесь в Японии и на выходе из ресторана слышите обращенные к вам слова хозяйки: «*Arigato gozaimashita*», что означает: «Спасибо за то, что вы посетили мой ресторан». Как вы отреагируете? Допустим, вы знаете японское слово «*doiteshimashite*» — «пожалуйста», но его использование в данной ситуации является неуместным. Более правильным и вежливым было бы поклониться в ответ. Вы также можете сказать: «*domo*» — «спасибо». Интересно, что, даже будучи знатоком языка, вы были бы вправе просто промолчать.

Таким образом, для «владения» языком может быть несколько определений. По мнению Клэр Крамш, это означает, что человек знает «код» языка и умеет грамотно им пользоваться. Он также должен тонко чувствовать укоренившееся сочетание языка, национальной идентичности и культуры, что можно назвать глубоким «погружением в язык». Только те люди, которые считают, что в достаточной степени погружены в иностранный язык, могут претендовать на то, чтобы считаться владеющими этим языком.

Согласно Крамш, владение иностранным языком подразумевает знание культуры носителей этого языка. Вы не только знаете язык, но и являетесь носителем заключенного в нем культурного багажа, а это означает, кроме всего прочего, что вы хорошо разбираетесь в многозначности иностранных слов, которые используете в своей речи.

— Если вы поговорите с живущими в США выходцами из Латинской Америки, то заметите, что их знание языка не исчерпывается способностью использовать различные языковые метки для обозначения одного и того же объекта, — сказала Крамш. — Это погружение неразрывно связано с эмоциональным опытом использования языка в конкретных ситуациях.

— Означает ли это, что люди, просто выучившие язык, ограничены в своей способности говорить на нем? — спросил я.

— Нет, — ответила она. — Они могут говорить, но при этом не погружены в языковую культуру.

— То есть таких людей нельзя считать мультиязычными?

— Нужно иметь в виду, — сказала она, — что есть люди, которые не обращают особого внимания на культурный багаж любого из языков, на которых говорят. Вы можете прекрасно играть на фортепьяно и мастерски разбираться в нотах, но это не значит, что вы понимаете музыку Моцарта или что вы талантливый музыкант. Одно дело — освоить языковой код, и совсем другое — понимать, что именно имеет в виду носитель языка или почему он использует свой код так, а не иначе.

— И каким же количеством языков, по вашему мнению, человек может овладеть на таком уровне? — спросил я.

— О, я не знаю, — ответила она. — Исследования показали, что испытуемые были в той или иной степени культурно погружены в три или, может быть, четыре языка. Пятый можно засчитать уже с большой натяжкой, и это включая родной.

Она также добавила, что большинство испытуемых говорили на трех языках с самого детства, а затем добавился четвертый. Они были хорошо знакомы с культурой языка и с тем, что она назвала «умонастроением носителей языка».

— Один из моих сыновей, — рассказала она, — вырос с тремя языками и добавил к ним четвертый, но в отношении шестого или седьмого языков, которые он выучил дополнительно, я не могу сказать, что он резонирует с ними... Что касается меня самой, то я могу говорить о своем культурном погружении в три языка. Да, я знаю еще и русский, греческий, латинский и некоторые другие. Но... их скорее можно сравнить с экзотическими бабочками, собираемыми для коллекции, — закончила она с усмешкой.

Конечно, каждый на основании своего опыта может иметь собственные представления в отношении того, какой уровень знания иностранного языка следует считать достаточным. Согласно определению Клэр, про шестилетнего ребенка, который пока не умеет читать, нельзя сказать, что он владеет даже своим родным языком. Это же относится и к людям, которые независимо от возраста не доросли до овладения культурным багажом родного языка. Позже я задавался вопросом, почему столько людей решается на изучение иностранного языка, если в качестве целевого ориентира выступает высокий языковой уровень носителя языка: это, безусловно, должно являться сдерживающим фактором.

В конце нашего общения Клэр Крамш поделилась со мной ценной мыслью. «Вы знаете, — сказала она, — язык, который мы используем, настолько вплетен в эмпирическую ткань нашей жизни, что вопрос “на скольких языках вы говорите?” несет в себе лишь часть смысловой нагрузки. Вы должны также спросить: “на скольких языках вы живете?” Конечно, чем обширнее ваш языковой запас, тем богаче ваш

жизненный опыт, но для постоянного поддержания уровня владения иностранным языком требуется много путешествовать и контактировать с большим количеством людей. Поэтому я считаю, что человеческим пределом является владение четырьмя, ну, может быть, пятью языками».

Готовясь к поездке, я также поинтересовался у Роберта Декейзера, эксперта в области изучения иностранных языков из университета штата Мэриленд, что он думает о феномене Меццофанти.

«Если у вас хорошая память и вы должным образом мотивированы, то выучить достаточное количество слов из нескольких десятков языков не станет для вас подвигом. Причина того, что это удается лишь единицам, в недостатке мотивации у остальных, — заявил он. — Гораздо более сложной проблемой является то, что вы должны говорить на совершенно разных языках не только бегло, но и правильно. Поэтому речь идет не только о лексике, но и о грамматике. Носители языка в своей речи применяют целый ряд грамматических правил с удивительной скоростью, даже не задумываясь об этом. Вам же для достижения такого результата потребуется очень много практики.

Это, в свою очередь, означает две вещи: во-первых, для изучения языка нужно больше времени, чем требуется только для запоминания лексики, а во-вторых, необходимо еще и то, что я бы назвал способностью быстрой проверки своей речи на соответствие грамматическим правилам. Даже если вы знаете все грамматические основы, вам по-прежнему требуется много усилий для того, чтобы применять эти знания достаточно быстро, в режиме разговора. Я думаю, если вы найдете человека, который исключительно хорошо и правильно говорит на большом количестве языков, это будет означать, что он обладает талантом быстрого подбора правильных грамматических форм.

Для этого недостаточно просто выделить необходимые ресурсы своего мозга, — продолжил Декейзер. — Чтобы хорошо выучить множество языков и поддерживать владение ими на высоком уровне, нужно такое количество времени, которым не обладает ни один человек,

даже если он будет тратить абсолютно все свое время на языковую практику. Так что, когда я слышу все эти истории о гениальных кардиналах, живших сто или двести лет назад, я отношусь к ним очень, очень и очень скептически: большинство людей, которые не являются лингвистами, даже не понимают, что в действительности означает изучение иностранного языка. Они также не понимают, насколько сильно умение бегло говорить на чужом языке отличается от реального знания языка его носителями».

Сравнение с уровнем владения носителем языка прозвучало из его уст без всякой подсказки с моей стороны. Действительно ли данный критерий является подходящим для оценки уровня знаний такого гиперполиглotta, как Меццофанти?

Декейзер родился и вырос в Бельгии, стране, которая официально признана многоязычной. К тому же эта страна отличается внутриполитическими капризами, и поэтому ее часто приводят в качестве примера того, что политическая система не может нормально функционировать с более чем одним официальным языком. На севере страны говорят на голландском, на юго-западе используется французский, в небольшой области на юго-востоке в ходу немецкий. При этом каждый житель страны изучает английский (Декейзер говорит на всех четырех). Дополнением к многоязычному винегрету служит факт, что бельгийский Брюссель является бюрократической столицей Европейского союза. В этом городе вы, скорее всего, услышите французскую речь, хотя голландский язык тоже является официальным.

Бельгийское многоязычие обусловлено экономическими причинами (страна находится в огромной зависимости от экспорта и импорта), а также малочисленностью населения, говорящего на голландском, — всего около 22 миллионов человек по всему миру. Кроме того, учитывая напряженные отношения между жителями севера и юга страны, официальное многоязычие выполняет в этой стране социальную функцию. Занятия на языковых курсах являются популярной формой досуга и субсидируются государством. Надеваемые бельгийцами языковые маски счастливых людей призваны сгладить экономическую

напряженность в отношениях между регионами страны. Однажды я услышал, как кто-то назвал Бельгию «прекрасной лабораторией многоязычия». Другой человек охарактеризовал эту страну как «лингвистическое подобие Сербии». Это прозвучало более правдоподобно.

Прежде чем мы расстались, Декейзер выудил из своей памяти историю, имевшую место в конце 1980-х годов. Один бельгийский банк, ныне не существующий, выступил спонсором конкурса, целью которого было определить самого многоязычного бельгийца. Это была своего рода языковая игра с определенными правилами. Принять в ней участие решили сотни людей. Все они были протестированы на основе краткой беседы с носителями языка, привлеченными из университетов и иностранных посольств.

«Конечно, многие участники заявляли, что владеют гораздо большим количеством языков, чем на самом деле, — вспоминал Декейзер. — Один из моих коллег принимал участие в тестировании человека, утверждавшего, что он знает хинди. Этот человек действительно много знал о хинди и немного говорил на этом языке, но можно ли было на этом основании согласиться с тем, что он *знал хинди?*»

Декейзер так и не смог вспомнить ни названия банка, проводившего конкурс, ни имени победителя, ни того, насколько многоязычным он или она оказался. Он лишь предположил, что количество языков оказалось не слишком большим. По его словам, возможно, их было восемь.

«Это же реальный, живой гиперполиглот, навыки устной речи которого были оценены экспертами», — подумал я. Вот с кем я точно хотел бы встретиться.